

ГЛАВА 1

ИСКУССТВО

У всего на свете есть свой аромат. Светлая улыбка ребенка словно благоухает молоком и ванилью. Первая любовь — будто глинтвейн с шоколадом на закуску: свежо, остро и сладко. Боль жалит сильнее крапивы. Любимое дело несет живительный аромат мяты, лимона и розмарина, вера — ладана, сандала и мирры...

Мое утро источает запах кофе и нетронутой ранней свежести, тающей в лучах солнца.

Я проснулась на рассвете. В этом не было ничего необычного: привычка вставать чуть свет осталась у меня с детства.

Взглянув на безмятежно почивающего рядом мужа, я вздохнула. Отучить его от храпа не удалось, и в итоге любая совместная ночь превращалась в пытку. Рулады то утихали, позволяя задремать, то оглушали... Сколько раз я просила Ингольва дать мне выспаться! Разумеется, у нас имелись отдельные спальни, но, выпив, он непременно являлся ко мне. И храпел от души, норовя к тому же заграбастать меня и притянуть поближе. От его дыхания короткие волоски на шее становились дыбом и пробирала невольная дрожь. Как тут спать?!

К тому же от Ингольва разило перегаром. За ночь я успела немного притерпеться, но теперь снова поморщилась. К зловонию примешивались нотки мяты — слабая попытка заглушить запах. Надо думать, это было своеобразное проявление заботы о моем чутком обонянии.

Я окинула взглядом спальню. В комнате было уже достаточно светло, несмотря на ранний час. Она как никогда напоминала сундучок с безделушками: резные деревянные панели, гора разноцветных подушек, массивные дубовые балки, свод крыши над головой, словно крышка. В изголовье висела странная поделка — изукрашенные рунами выросты. По утверждению Палла, нашего садовника, это был традиционный оберег его народности. Ингольв невзлюбил эту прелесть с первого взгляда, углядев в ней намек на собственные «рога», так что мне стоило больших усилий его успокоить.

Комната полукругом выдавалась вперед, к заливу, и за темными окнами тихо шептало и сонно ворочалось море... Здесь в воздухе всегда витали смолистые нотки дерева и солоноватые — воды.

Я осторожно выбралась из постели, игнорируя невнятный протестующий возглас, и заботливо укутала спящего мужа одеялом, хотя чувства мои в это утро были далеки от супружеской нежности. В конце концов, это по его вине я не выспалась и с трудом сдерживала зевоту!

Подойдя к шкафу, я провела пальцами по вырезанным на створках оленям — это творение верного Палла всегда поднимало мне настроение, — достала теплый халат и на цыпочках вышла.

Прокравшись мимо спальни свекра (что за нелепость — устроиться через стену от невестки, когда пустуют еще три спальни?!), я тихонько спустилась на первый этаж, сварила кофе на спиртовке и наконец с тихим вздохом уселась на подоконник, держа в руках чашку.

Люблю этот ранний час, аромат кофе и тишину...

Фыркнув, я едва не расплескала напиток. На первых порах после замужества мне немало пришлось вынести, чтобы отстоять эту маленькую традицию. Дескать, порядочные жены не должны просыпаться так рано, оставляя замерзающего супруга одного в постели, кофе — гадость несусветная, к тому же дорогая, а привычка сидеть на подоконнике и вовсе не вписывается в рамки приличий! Пришлось то улещивать супруга, то безобразно сканда-

лить, но домашняя война закончилась моей полной победой. Правда, я не стала заставлять кухарку подниматься еще раньше хозяйки, чтобы приготовить «ненавистный» кофе, и всегда варила его сама.

С наслаждением вдохнув горьковатый аромат с нотками мускатного ореха и имбиря, я сделала первый, самый вкусный глоток и задумчиво уставилась на улицу. На втором этаже, в спальнях, окна выходили на залив, и смотреть на суровую гладь воды было куда приятнее, чем лицезреть серые камни построек, но была рада и этому унылому зрелищу. В тихих вздохах волн залива слышалось блаженное урчание, а снежинки, казалось, поднимались вверх от размеренного дыхания мостовых...

К тому же наконец стало понятно, почему так светло: ночью выпал первый снег. Белая вуаль легла на Ингойю, и под первыми лучами солнца столица острова казалась невестой, с трепетом ждущей обряда. Хрустящий даже на вид, снег заботливо укутывал город, пах колкой свежестью, отдающей на языке перечной мятой и хвоей. Смысл этот привкус очередным глотком кофе, я с огорчением убедилась, что на дне чашки осталась только гуща.

Город еще блаженно спал под пуховым снежным покрывалом, лишь кое-где в лавках уже начиналась работа. В соседнем доме позевывающий повар мешал тесто и ставил в печь булочки, и над улицей плыло благоухание корицы и сдобного теста. Где-то служанка жарила рыбу, и от запаха горящего масла, скворчащего на сковородке, к горлу подкатывал ком. Из дома напротив тянуло эвкалиптом, ромашкой и малиной — видимо, обитатели простудились и теперь изводили запасы микстур и трав...

Красиво. Жаль только, что эта красота продлится совсем недолго: скоро город проснется, лениво потягиваясь или охая при взгляде на часы.

Нотки ароматов складывались в привычную симфонию мира. Люди привыкли обманывать зрение, а вот запахи не перебеешь. Забавно, кокетки идут на множество жертв ради красоты: разрисовывают лицо, с помощью корсета прячут следы чревоугодия, прикрывают шляпками и шинь-

онами поредевшие волосы. Но за миловидным фасадом легко улавливался кислый запах обиды и горелый смрад зависти. Как будто грязь под ногтями...

Пока я размышляла об ароматах и нравственности, из своей комнаты показалась позевывающая Сольвейг — наша кухарка и заодно домоправительница.

Она кисло поздоровалась, поморщилась, заметив, что я опять сидела на подоконнике. Не сдвинувшись с места, я кивнула, и Сольвейг — еще довольно молодая женщина в неизменно сером платье — отправилась готовить завтрак.

Серым было у нее все. В дождь она сетовала на слякоть, снег терпеть не могла, потому что он слепил глаза, и даже солнце не любила, мол, «вредно для кожи!». Пища казалась ей невкусной, а в доме всегда было грязно... Словом, тот тип женщин, от которых пахнет уксусом, и никак иначе, несмотря на литры дорогих притираний.

Дом потихоньку пробуждался, заполняясь утренней суетой, как чашка — чаем.

Сольвейг, Сигурд и Уннер — слуги — бегали по дому, старательно пытаясь держать глаза открытыми, временами натыкались друг на друга и на углы, шипя сквозь зубы, но упорно не просыпаясь. Ингольв и его досточтимый родитель, Бранд, изволили пребывать в дурном настроении, и от спален раздавался мощный глас моего супруга, недовольного состоянием своих сапог и боги знают чем еще. Ему вторил чуть визгливый голос свекра...

Преспокойно восседая в столовой с книгой в руках, я напоминала самой себе утес, омываемый бурным морем.

Не понимаю, отчего людям так тяжело просыпаться по утрам? В прохладном воздухе будто разлиты флюиды бодрости, силы еще не растрочены по пустякам, а настроение никто не успел испортить... Жаль, мое трепетное отношение к ранним часам мало кто разделяет.

Вот и сейчас пришлось быстро ретироваться. Отговорившись необходимостью привести себя в порядок, я подала знак смысленной горничной Уннер и удалилась к себе.

Девушка быстро уложила мои косы в немудреную прическу, тихонько напевая довольно фривольную песенку, и помогла мне облачиться в утреннее платье.

К завтраку я спустилась лишь тогда, когда голодные мужчины уже должны были подобрать от вкусной пищи, и приветствовала мужа и свекра лучезарной улыбкой.

Исподтишка окинув взглядом свое семейство, я вновь ощутила слегка притупившуюся боль: Валериан, мой единственный сын, уже третий месяц отсутствовал. Он отправился служить в кадетский корпус, и я до сих пор не простила этого мужу. Впрочем, теперь не время об этом думать.

Итак, за длинным столом мы сидели втроем, и я от нечего делать разглядывала своих мужчин. Мой муж, Ингольв, и его отец, господин Бранд, были похожи, как иланг-иланг второго сорта и экстра. Проще говоря, на одно лицо, но разного качества. Это любимый Ингольвом коньяк лишь выигрывает с годами, а свекра время не пощадило. Муж, недавно отпраздновавший свое сорокалетие, сохранял безупречную военную выправку и чеканный профиль, хотя волосы с годами поредели, а на макушке образовалась лысина (которую он тщетно пытался скрыть, начесывая на нее оставшиеся волосы). А вот свекор расплылся, давно позабыв о воинской дисциплине и предпочитая тренировкам обильную вкусную пищу и мягкие подушки.

Впрочем, нрав у обоих был совершенно одинаков.

— Толку с твоих травок? — пробурчал Ингольв вместо приветствия, угрюмо созерцая свою тарелку. В его выпуклых голубых очах плескалась тоска. Он был иззелена-бледен и мрачен. — Похмелье и то снять не можешь!

Солдатская прямота, принятая в доме мужа, поначалу меня коробила, но за тринадцать лет можно привыкнуть к чему угодно.

Я пожала плечами, привычно скрывая досаду за вежливой улыбкой. Чуть приподнять уголки губ, опустить глаза в тарелку и следить, чтобы не звякнуть приборами громче положенного...

Ко мне приходили со всей Ингойи, а Ингольв по-прежнему считал аромагию блажью и шарлатанством. Обидно до слез, хотя надежда его переубедить давно угасла. Из дюжины с хвостиком лет супружеской жизни я вынесла твердое убеждение, что спорить с благоверным нужно как можно реже. Кому нужны лишние скандалы? Куда проще промолчать — и поступить, как хочу. Впрочем, иногда вспыльчивый нрав берет свое...

— Хочешь, я тебе дам масло кедра? — не удержавшись, предложила я обманчиво миролюбиво. На вопросительный взгляд дорогого супруга безмятежно объяснила: — Чтобы даже запах алкоголя вызывал отвращение.

И, старательно сохраняя маску сочувствия, полюбовалась на обрюзгшее после вчерашней попойки лицо Ингольва. Вероятно, я бы сумела ему помочь, но пренебрежительное отношение нисколько не вдохновляло на изыскания. Любит пить без меры — пусть полюбит и похмелье. Иначе его вразумлять бесполезно.

Господину Бранду было не до наших мелких склок — он отдавал должное очередному кулинарному шедевру Сольвейг. Казалось, он был готов защищать свою тарелку, будто дворовый пес — трофейную кость... Взглянув на свекра, почти с урчанием поглощающего завтрак, я снова перевела взгляд на мужа.

— Ночью первый снег выпал... — многозначительно произнесла я. Признаю, хотелось хоть как-то отплатить благоверному за бессонную ночь.

Окончательно упавший духом супруг с тихим стоном отодвинул тарелку и бросил угрюмый взгляд за окно.

Первый снег означал праздник, на котором мужу предстояло играть не последнюю роль. А сегодня это его нисколько не радовало, хотя обычно тщеславный Ингольв упивался подобными мероприятиями.

Уходя от разговора, он раскрыл газету и углубился в чтение, недовольно комментируя: «Опять требуют ограничить китобойный промысел. Совсем сдурели! Кетиль снова выставил своего жеребца на скачки. Какой идиот поставит на эту клячу? Очередная девица пропала... И с чего

раздувать такую историю? Как будто мало дурех сбегают с любовниками! Так нет, выдумали маньяка! Газетчики!»

В последнее слово Ингольв вложил все презрение, которое питал к журналистам и прочим творческим личностям.

Насладившись последним кусочком кекса, я промокнула губы салфеткой и встала из-за стола.

— Приятного тебе дня, дорогой! И вам, господин Бранд! — прощбетала я и наконец упорхнула, не обращая внимания на недовольные взгляды мужчин.

Следующие часы принадлежали мне безраздельно.

В свое время я настояла, чтобы вход в «Уртехюс» был отдельный, иначе покоя бы мне не дали. Так что пришлось накинуть на плечи выдавшую виды, но любимую и уютную шаль, некогда подаренную сыном, и выйти из дому. На улице царил мороз, но можно обойтись без шубы — благо до заветной двери рукой подать.

Сделав всего несколько шагов (снег от крыльца уже успели убрать), я очутилась перед входом в приземистое одноэтажное строение.

Вывеска была предметом моей особой гордости — не зря я заказывала ее у хель, которым не было равных в резьбе, — и смотрелась весьма органично в этом царстве льда и серого камня. Она была сделана из рога — леса, даже морозоустойчивых хвойников, на севере слишком мало, чтобы тратить древесину на всякие глупости.

В правом верхнем углу красовалась руна беркана, означающая в данном случае силы природы, в центре накорябано несколько вертикальных линий, перечеркнутых горизонтальными, — хельские письма, которые все местные жители понимали без затруднений. Мне объяснили, что это хельское слово «Уртехюс», что буквально означало «Дом трав». Название было окаймлено переплетенными растениями, среди которых особенно умиляли резные листочки каннабиса. На мою вдохновенную (и весьма возмущенную) лекцию о недопустимости использования подобного в ароматологии моя подруга Альг-исса по-хельски невозмутимо ткнула пальцем в бутылку с надписью «масло конопли». В ответ на смущенное объяснение, что масло

семян и сигареты из листьев — совершенно разные вещи, она лишь молча пожала плечами.

Улыбнувшись воспоминаниям, я распахнула дверь.

Передняя в «Уртехюсе» не запиралась, чтобы клиенты могли дождаться меня с комфортом. Несколько кресел, столик, подставки для шляп и зонтов — вот и вся немудреная обстановка, но все же это куда лучше, чем мерзнуть на улице.

Ко мне, будто подсолнух к солнышку, тут же потянулась молодая особа в темном платье, и я изобразила улыбку.

— Вы опоздали! — с ходу возмущенно сообщила она.

— Немного, — призналась я, и улыбка моя стала обезоруживающе лучезарной.

Дама не желала так легко отступить.

— Я думала, вас не дождусь... — жалобно пробормотала она, смагивая слезы и роясь в сумочке в поисках платка. — Мне так плохо! В боку колет, и сердце прямо выпрыгивает из груди... В глазах темнеет...

— Не волнуйтесь, лучше присядьте. Сейчас мы все исправим, — бодро прервала я поток угрожающих симптомов, нашаривая ключ. Клиентка скорбно поджала губы, весьма недовольная, что ей не дали пожаловаться всласть.

Мы прошествовали в «Уртехюс».

Я окинула комнату любовным взглядом. Потребовались немалые усилия, чтобы моя приемная нисколько не напоминала медицинскую палату. Несомненно, ряды склянок и блистающих металлом деталей внушали бы посетителям подобающее почтение, но одновременно вызывали бы страх. Так что мой кабинет оформлен как гостиная в любом респектабельном доме. Кресла, диванчики, бархатные портьеры... Все это золотисто-желтого и глубокого винного оттенков. В серванте хранятся коньяк, ликеры и прочие расслабляющие напитки в окружении хрустальной посуды, в шкафу солидно устроились книжные тома в скромных переплетах, на полке у камина выстроились безделушки.

Ко мне словно приходили в гости, чтобы за чашечкой чая или бокалом чего-нибудь покрепче посетовать на по-

шатнувшееся здоровье, выслушать дружеский совет и уйти обнадеженным.

Госпожа Эйва привычно приземлилась в кресло, прижав к груди пухлую ручку и закатив глаза. Я столь же привычно достала из буфета стаканчик, накапала немного настойки валерианы, щедро разбавив ее ежевичным ликером. Успокаивающее зрелище пузатых графинчиков с крепкими напитками и баночек с чаем и кофе настолько расслабляло посетителей, что они совершенно не замечали таящиеся за ними пузырьки с лекарственным содержанием. Впрочем, и чай, и даже алкоголь вполне могут быть целебными, если знать, на чем их настоять, и использовать умеючи.

Вручив гостье питье, я поставила на спиртовку воду для чая, опустила в кресло напротив госпожи Эйвы и приготовилась внимать.

Она была искренне убеждена (и истово убеждала близких) в хрупкости своего организма, так что посещала меня не реже раза в неделю. Эдакая увядающая роза, хотя здорового румянца на щеках и блеска глаз не могли скрыть даже блеклые шелка, в которые она старательно куталась. А сквозь тяжелый шлейф благовоний пробивался медовый запах здорового тела.

По правде говоря, единственной угрозой ее здоровью мог стать разве что бесконтрольный прием лекарств. Такие мнительные особы способны глотать микстуры бутылками. Госпожа Эйва старательно прислушивалась, не кольнет ли в боку и не приснится ли странный сон, а если этих «угрожающих» признаков не было, то их несложно и придумать... В итоге она поглощала множество снадобий, совершенно не думая об их взаимодействии.

На первых порах пришлось долго ее убеждать в своей компетентности, зато теперь госпожа Эйва доверяла мне безоговорочно и еженедельно являлась за лекарством, без которого не могла прожить и дня.

По правде говоря, «чудодейственный» состав был всего лишь безвредным успокоительным на основе валерианы и ромашки, тщательно замаскированным для усиления

действия. Но ведь помогало, да еще как! Вот уж действительно — все болезни от нервов!

Вот и сейчас, допив целебный ликер и ободренная моим участием, клиентка на глазах похорошела. Благодарно прижав к груди вождеденную бутылочку, госпожа Эйва удалилась, рассыпаясь в благодарностях за спасение своей молодой жизни. Уже много месяцев она нуждалась в этом лекарстве. Или в заботе мужа?

Фиктивными больными чаще всего становятся те, от кого дома отмахиваются. Немного участия — и «безнадежные» пациенты чудесным образом выздоравливают. Правда, обычно ненадолго.

У женщины не так уж много способов привлечь к себе внимание, и она выбрала самый простой...

Размышляя об этом, я принялась убираться в шкафу. Следовало протереть пыль и рассортировать множество пузырьков и склянок, коробочек и свертков. Когда ингредиентов так много, со временем забываешь, что есть «в закромах», что давно закончилось, у чего истек срок годности... Поневоле приходится время от времени перебирать запасы.

Зато так интересно заново открывать собственные сокровища!

К примеру, вот пузырек пачули. Это эфирное масло становится лучше с каждым годом, поэтому я всегда стараюсь «забыть» его на год-другой.

А вот аттар хны — смесь цветов лавсонии и сандала. Такая кисло-сладкая тягучая карамель...

Вот небольшая пробирка с остатками абсолюта османтуса, который где-то раздобыла барышня Бирта. Эта милая девушка, вполне оправдывающая собственное имя «яркая», потребовала сделать для нее такие духи, каких больше в Ингойе не встретишь, для чего и принесла мне это экзотическое чудо. Османтус пахнет, как сад в августе: спелые фрукты и множество цветов, тягучий мед и утренняя свежесть. В качестве оправы немного мандарина, бобов тонка и ванили. Клиентка была в таком восторге, что последние два года пользовалась исключи-

тельно этими духами. Кстати, что-то она давно не появлялась...

В дверь постучали, и, не дожидаясь ответа, в «Уртехюс» заглянул молодой человек в пенсне. Заурядный, изрядно помятый костюм и взлохмаченные волосы выдавали в нем человека, занимающегося умственным трудом, — подобной неаккуратности лавочники себе не позволяли, а для рабочего люда одежда была слишком хорошего качества.

— Доброго вам утра, госпожа Мила, — вежливо поклонился он.

— Мирра, — поправила я мягко. — Здравствуйте.

— Ох, простите, — смутился посетитель. — Я так рассеян...

— Ничего страшного, — улыбнулась я со всей сердечностью. — Проходите, присаживайтесь.

Гость последовал приглашению, бросив прямо на столик пальто, густо усыпанное тающими снежинками. Еще одно свидетельство рассеянности — в такую погоду куда уместнее шуба. С тщательно скрываемым неудовольствием я отметила, что с одежды капает вода, но промолчала.

Усевшись прямо, будто трость проглотил, визитер смерил меня взглядом. Надо думать, увиденное его не впечатлило, и на лице гостя читалось сомнение.

Не удержавшись, я тихонько вздохнула. Отчего-то пациенты преисполняются снисходительности, едва меня увидев. Видимо, женщина, к тому же не старая и не уродливая, да еще и облаченная в эффектный туалет, вовсе не кажется им заслуживающей доверия. Но если кого-то не устраивает мой облик, он вправе попытать счастья где-нибудь в другом месте. Найдется немало шарлатанов, готовых провести падких на антураж простаков.

— Слушаю вас, господин... — Я сделала паузу, намекая гостю, что неплохо бы представиться.

— Ох, извините, — пробормотал он, не делая попытки уйти восвояси. Видимо, счел, что за неимением лучшего можно воспользоваться и моими услугами. — Меня зовут Гюннар, сын Хакана. Я фотограф.